

БИБЛЮГРАФІЯ

А. Л. Бем. — Достоевскій. Психоаналитическіе этюды. — Прага, 1938.

Новая книга А. Бема — сводка изслѣдованій, в большинствѣ случаев уже опубликованных раньше, об отдѣльных произведениях и отдѣльных сторонах творчества Достоевскаго, имѣющая цѣлью выяснитъ общій характер этого творчества и вскрыть основы его проблематики.

Путем пристального анализа композиціи, рѣчевого склада нѣкоторых, преимущественно ранних, и в извѣстных отношеніях особенно показательных вещей — «Вѣчный муж», «Хозяйка», «Двойник», — Бем убѣдительно показывает, какую роль в творествѣ Достоевскаго играли приемы, называемые им «развертываніем сна» и «драматизаціей бреда». В этих вещах грань между «сном» и бодрствованіем, фантазіей и реальностью, постепенно стирается. «Герой» каждаго из этих разсказов, как, впрочем, и всѣх остальных того - же періода, — одинокій, оторванный от жизни человекъ, уединенный «мечтатель», живущій в своем мірѣ, грез, сновидѣній — и в этом отношеніи он прототип Раскольникова, Свидригайлова, Ставрогина, Ив. Карамазова, а отчасти также и «идюта» — Мышкина, трагедія котораго — «трагедія безграничной, а поэтому и безпредметной, в конечном счетѣ, любви».

Так анализ отдѣльных произведеній Достоевскаго подводит к уразумѣнію основной проблемы его творчества: «это проблема замкнутой в себѣ личности, проблема отъединенія, ощущаемаго в глубинѣ сознания грѣхом и приводящаго в конечном счетѣ к катастрофѣ».

Мнѣ кажется, что нельзя лучше охарактеризовать сущность творчества Достоевскаго и что в усмотрѣніи единства в этом отношеніи всѣх отдѣльных его продуктов — особая заслуга автора.

Бем настаивает на том, что так сформулированная им проблема, является «связывающей в одно и личность и творчество Достоевскаго». Подчеркивать этого рода единство, думается, излишне: что - же такое творчество, как не самообнаруженіе личности? И как возможно творческую личность отдѣлить от творчества? Вѣдь «Достоевскій» это и есть «Преступленіе и наказаніе», «Братья Карамазовы», «Бѣсы» и т. д. Автор, однако, как это показывает уже подзаголовок, понимает дѣло иначе. Понять творческую индивидуальность, рассуждает он — и вполне правильно, — можно только путем наблюденія над тѣм, как художник перерабатывает свой матеріал. Матеріал - же этот — не только литературные источники, житейскія наблюденія, но и собственныя переживанія, сознательныя и без или под-сознательныя. Итак, «нам не уйти от таких чисто психоаналитических проблем, как «двойничество», как

«Эдипов комплекс», так ярко выраженный напр. в «Хозяйкѣ», как понятие «ущемленности» и т. п.».

Надо признать, что автор вполне сознает всю рискованность Фрейд-овскаго метода и даст острую критику крайностей, в какия свойственно впадать «Фрейдистам»; сам же пользуется этим методом лишь очень сдержанно и осторожно, видя разницу между двумя категоріями матеріала, каким располагает художник: тѣм, который нам дан и тѣм, который мы **возстановливаем** чисто гипотетически («комплексы»). Не было-ли бы лучше, послѣдовательнѣе от этой второй категоріи просто отвлечься? Если автор этого не сдѣлал, то потому, что он все-же считает нѣкоторыя положенія Фрейда и его школы — как раз самыя спорныя (об «инфантилизмѣ» сновидѣній, о наличіи «эдипова комплекса» у всякаго, кто в дѣтствѣ был свидѣтелем неладов между родителями) — безусловно истинными. То, что мы можем «предположить», что Достоевскій в дѣтствѣ был не раз свидѣтелем вспышек жестокаго гнѣва отца» (против матери), и что «эдипов комплекс» выражен в «Хозяйкѣ», дает автору основаніе утверждать, что видѣнія Ордынова отражают «с несомнѣнностью... дѣтскія переживанія самого Достоевскаго».

Автор словно забыл, что, как он сам это доказал, «Хозяйка» в значительной мѣрѣ восходит к гоголевской «Страшной мести», гдѣ развертывается тема того же самага «комплекса». Это во-первых. Во-вторых, всякій, кто знаком с многочисленными работами автора о Достоевском, может убѣдиться, что тот общій вывод, к которому он пришел в концѣ своей послѣдней книги, ничуть не потерял — бы в своей убѣдительности, если — бы он не коснулся вовсе ни отношеній Достоевскаго к родителям, ни вопроса о свойствѣ его «сексуальных переживаній», и что, слѣдовательно, психоанализ в сущности не оказал ему никакой услуги. Итак, в противоположность автору и основываясь на примѣрѣ его же собственных, чрезвычайно цѣнных, изслѣдованій, — я позволю себѣ высказать утверженіе, что литературовѣдѣніе не стоит ни в какой зависимости от психоанализа — и слава Богу! Иначе пришлось бы примириться с тѣм, что художников, которых мы знаем только по их произведениям, — т. е. подавляющее большинство! — мы не в силах понять как слѣдует — если не считать, что раз, скажем, Софокл написал свою трилогію об Эдипѣ, то, значит, у него не могло не быть «эдипова комплекса», а затѣм уже отсюда «обяснять» и творчество Софокла, впадая в порочный круг, — грѣх вульгарнаго Фрейдизма, хорошо подмѣченный А. Бемом.

П. Бицилли

С. Е. Крыжановскій. — Воспоминанія. — Петрополис. — 1938.

Мы уже привыкли к тому, что самыя суровыми обличителями стараго режима являются в своих воспоминаніях тѣ, кто стояли к нему всего ближе и служили ему всего усерднѣе. Члены царской семьи, высшіе сановники, исполнители их распоряженій — вот состав этих свидѣтелей перед исторіей. К их числу надо присоединить теперь С. Е. Крыжановскаго — лицо, гораздо менѣе извѣстное широкой публикѣ, чѣм он того заслуживает. Небольшая книжка изданных послѣ его